

стоящих перед военкоматами» [1, приказ № 134 от 5.04.1968 г.]. Этим же приказом были награждены соответственно Киевский, Орджоникидзеvский райвоенкоматы города Харькова и Богодуховский райвоенкомат Харьковской области.

Отдельно была отмечена деятельность медперсонала, работающего на призывных пунктах, и профессорско-преподавательского состава Харьковского государственного юридического института. Медработники были отмечены 1959 году ко дню Октябрьской революции [1, приказ № 244 от 6.11.1959 г.], а преподаватели вуза – ко Дню Победы в 1974 году [1, приказ № 138 от 7.05.1974 г.]. И медработникам, и преподавателям вуза были объявлены благодарности и вручены грамоты.

Изданные ко дню Октябрьской революции приказы в 1946 и 1956 годах носили не поздравительный характер, а требовали усиления бдительности. Офицерам, служившим в облвоенкомате, запрещалось даже покидать город, ездить на собственном автотранспорте [1, приказы № 424 от 5.11.1946 г., № 122 от 1.11.1956 г.].

Кстати такой же тревожный приказ был издан накануне нового 1992 года. Как известно, к этому времени Советский Союз уже не существовал. Но накануне праздника тогдашний областной военный комиссар Ю. Клынкин издал приказ, согласно которому требовал: «высокой мобилизационной подготовленности, бдительного несения дежурства» [1, приказ № 429 от декабря 1991 г. (число не указано)]. Особо указывалось на сохранность оружия и боеприпасов. Также комиссар требовал в выходной и праздничный дни дежурным райвоенкоматов докладывать по телефону об обстановке на местах в 7.00 и 22.00. А дежурным военкоматов города Харькова, Богодуховского, Волчанского, Дергачевского, Харьковского и Чугуевского районов дополнительно звонить в 10.00 и 16.00 [1, приказ № 429 от декабря 1991 г.].

Таким образом, поощрение сотрудников Харьковского областного военного комиссариата в годы советской власти к государственным праздникам было постоянным. Но в основном поощрение носило моральный характер, хотя и материальные вознаграждения были частыми.

1. Архив отдела кадров Харьковского областного военного комиссариата.

Афанасьева Ю.А., Козельчук Т.В.

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ В ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ПИСЕМ ГРАЖДАН ВО ВЛАСТЬ (НА МАТЕРИАЛАХ ПОСЛЕВОЕННОГО КУРГАНА)

Письма советских граждан в государственные учреждения, обращения к партийным и государственным деятелям по различным вопросам и разного характера – от жалоб и просьб до предложений и благодарностей, именуемые в научной литературе собирательным термином «письма во власть», – это особая разновидность делопроизводственных документов [17; 18; 20; 23]. Как правило, большая часть таковых, за исключением отдельных экземпляров, опубликованных в периодической печати, отложилась в госархивах и представляет собой нетронутый пласт исторических источников, хотя, по словам А.Я. Лившина: ««Письма во власть» – один из наиболее интересных примеров «говорящих», текстово-речевых источников, отражающих культурный опыт предшествующих поколений наравне с типами повседневных политических, социальных и личностных взаимодействий» [21, с. 128].

Письменные обращения населения и реакция на них местной администрации – это специфическая форма общественных отношений, реализации задач управления городом на базе обратной связи [26, с. 157]. Эти материалы позволяют изучить не только настроения и мнения различных слоев общества, но и понять, как строился своеобразный «диалог власти с народом» [27, с. 161]. Как указывал А.В. Захаров, главная причина, побуждавшая людей апеллировать к власти, была связана с их стремлением установить контакт с властью, который позволял бы «высказаться о наболевшем» [14, с. 28]. Одним словом, это ценный исторический источник [12; 13; 15; 16; 19], и, на наш взгляд, особенно незаменимый в региональных исследованиях.

Но, прежде чем, привлекать к историческим реконструкциям эту «совокупность разнообразных эпистолярных жанров» [28, с. 3] необходимо провести внутреннюю классификацию. Именно классификация рассматривается в настоящей статье как один из важнейших элементов

источниковедческого анализа писем граждан во власть. При исследовании особой группы источников, каковыми являются письма во власть, классификация становится необходимой процедурой, позволяющей решить целый комплекс источниковедческих проблем и повысить их информационный потенциал.

Существует несколько классификаций этого источника, предложенных отечественными и зарубежными историками по таким критериям, как социальный статус авторов, жанр писем, стилистические особенности, содержание. Например, Ш. Фицпатрик предложила делить эти документы по жанрам: «крик о помощи», «доносы и жалобы», «критические письма», «исповедальные» и др. [22, с. 196]; Е. В. Суровцева распределила обращения граждан на письма-инвективы (обвинения и вызов властям), письма-декларации (высказывается мировоззренческая позиция), письма-памфлеты, письма-жалобы, письма-дифирамбы [23; 24]; В.В. Кабанов «в зависимости от того, для чего пишется письмо» выделяет просьбы, жалобы, информативные письма, разоблачающие и критикующие действия отдельных должностных лиц и учреждений, предложения и прожекты, «философские письма» (письма-раздумья о понимании автором тех или иных ситуаций в области политики, экономики, в сфере духовной жизни), поздравительные письма, доносы [17, с. 228].

А.К. Соколов выделил обращения в советские и партийные органы, письма трудящихся в газеты и «письма вождям» (включая представителей культуры и науки) [23]; А.Б. Храмцов систематизирует письма по их адресату (органы власти, учреждения, газеты, отдельные чиновники); адресанту (один автор-податель или группа); по социальной, сословно-профессиональной принадлежности авторов, содержательной части, мотивировке послания и прочее [26].

Тем не менее, существующие классификации не всегда применимы к конкретным, отложившимся в местных архивах, документальным коллекциям, в частности, к письмам курганцев во власть послевоенного периода. Например, деление писем по разновидности (заявления, прошения, жалобы) на практике оказывается малорезультативной: в обращениях под названием «заявление» содержались как жалобы, так и просьбы. По словам А.Б. Храмцова, указанные понятия в послевоенное время почти не дифференцировались [26]. Также в исследуемых нами фондах [1–11] не представлены исповедальные письма, письма-дифирамбы, письма-декларации, «философские письма», проекты и поздравительные письма, не были обнаружены обращения к лидерам страны. Кроме того, в перечисленных нами классификациях критерий авторства либо не учитывается, либо является второстепенным; как критерий не принимаются во внимание приемы убеждения, используемые гражданами. Всё это определяет необходимость разработки собственной классификации рассматриваемой группы источников с учетом местной специфики.

Источниковую основу данного исследования составили фонды Государственного архива общественно-политической документации Курганской области, а именно, фонд Курганского областного комитета КПСС и фонд Партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Курганской области за 1945–1953 гг. [1–11].

Было рассмотрено более двухсот писем, авторами которых являлись жители Кургана и его пригорода. Это люди абсолютно разных возрастов и профессий: рабочие, учителя, врачи, строители, инженеры, бывшие военнослужащие, писатели и пр.; родственники фронтовиков и погибших воинов, демобилизованные солдаты, инвалиды; мужчины и женщины; молодые люди и пенсионеры и т.д. В связи с этим, на наш взгляд, одним из важнейших классификационных критериев, позволяющих провести начальную систематизацию писем, является авторство, а именно, индивидуальное или групповое (коллективное).

Коллективные письма, то есть письма от группы граждан, объединенных по различным признакам (домовладельцы одной улицы, покупатели, сотрудники школы или больницы и пр.), оказывались более действенными; как источник они более информативны, так как кроме типичных городских проблем передают отношение курганцев к местной власти, их оценки окружающей действительности. Так, в одном из коллективных писем рабочих писалось: «Наша власть несет ответственность, так почему власть вместо того, чтобы решать проблемы, делает вид, что не замечает их ..., везде блат» [9, л.101–102]. Из всей совокупности привлеченных к исследованию писем примерно 7% были написаны от различных групп граждан.

Индивидуальные письма описывают, как кажется на первый взгляд, некие частные проблемы заявителей, однако, в подавляющем большинстве эти личные или семейные случаи являются отра-

жением повседневного бытования горожан. Как, например, жилищно-коммунальная проблема: «С момента проведения водопровода ... квартира, в которой я проживаю, залита водой, сырость в квартире невозможная... Мною выкачено несколько тысяч ведер. Здание разрушается, пол прогнил, стены насквозь пропитались водой... Я не за себя боюсь, а за своих детей» [11, л. 34–35].

Деление писем на индивидуальные и коллективные позволяет уже на предварительном этапе источниковедческого исследования определить категории горожан, которые либо были наиболее уязвленными в послевоенные годы, либо (или одновременно) были наиболее социально активными.

Двумя другими важнейшими критериями классификации писем, связанными как с вышеназванным критерием, так и друг с другом, являются форма и тематика. В рассматриваемый период курганцы писали, как самые простые просьбы и заявления, так и довольно серьезные жалобы и сигнальные донесения, в которых довольно эмоционально излагали волнующие их проблемы. Это были заявления об увольнении по семейным обстоятельствам или по состоянию здоровья; просьбы о выделении жилья («прохожу непрерывные мытарства и издевательства по квартирному вопросу» [7, л. 188–189]); жалобы на качество продуктов в магазинах («какие-то отвратительные и горькие отбросы и злаки» [7, л. 53]); сигналы о злоупотреблениях чиновников или бюрократизме («деятели горкома безответственные люди. Они разлагают кадры, занимаются спекуляциями, всюду круговая порука и семейственность ..., где у этих людей совесть?») [5, л. 44]. При этом форма письма определяла стилистику текста: наиболее драматичными оказывались просьбы и жалобы.

Проводя классификацию писем граждан во власть важно проследить ответную реакцию соответствующих органов и должностных лиц. В своих обращениях граждане ставили довольно острые проблемы, которые власти в силу объективных или субъективных причин не могли решить быстро, именно поэтому есть необходимость разделить изучаемые письма по их повторяемости: единичные и повторные. Повторность жалобы – один из показателей остроты вопроса и одновременно неэффективности управленческой системы. Повторные письма интересны также своей стилистикой, так как авторы прибегали к ещё большей эмоциональности, использовали яркие эпитеты, способные побудить власть к решению вопросов, оставленных без ответа. Например, как в жалобе одного курганца, у которого из-за неприемлемых жилищных условий «почти угробили двух детей» [8, л. 104–107]. Высшие инстанции Кургана в итоге ответили на его просьбу: дали ордер на квартиру, обеспечили двух его дочерей валенками, теплой одеждой и платьями. Для источниковедческого исследования важно, что повторность подачи жалобы свидетельствует в пользу достоверности источника.

Итоговый вариант классификации писем курганцев во власть представлен в таблице 1.

Таблица 1. Критерии классификации писем граждан г. Кургана во власть (1946–1953 гг.)

Критерий	Классификация (письма по категориям расположены в порядке количественного убывания)
Форма (жанры)	1. Просьбы. 2. Жалобы. 3. Заявления. 4. Письма-сигналы (уведомление властей о каком-либо нарушении закона).
Авторство	1. Индивидуальные письма. 2. Коллективные письма.
Повторность	1. Единичные письма. 2. Повторные письма.
Тематика	1. Обеспечение продовольствием. 2. Жилищно-коммунальные проблемы. 3. Злоупотребления власти. 4. Вопросы образования и воспитания детей. 5. Сообщения о преступлениях. 6. Условия труда и взаимоотношения с начальством.

Таким образом, благодаря описанному подходу к классификации писем курганцев во власть, мы смогли выявить социальные группы горожан, которых прежде всего коснулись проблемы послевоенного времени, четко обозначить эти проблемы, составить представление об эффективности власти в различных ситуациях, определить приемы, используемые авторами для оказания большего воздействия на власть (коллективные обращения, написание повторных писем), отчасти верифицировать рассматриваемые источники.

1. Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО). – Ф. 166. Оп. 2. Д. 171.
2. ГАОПДКО. – Ф. 166. Оп. 5. Д. 79.
3. ГАОПДКО. – Ф. 166. Оп. 5. Д. 80.
4. ГАОПДКО. – Ф. 166. Оп. 6. Д. 66.
5. ГАОПДКО. – Ф. 166. Оп. 6. Д. 79.
6. ГАОПДКО. – Ф. 166. Оп. 6. Д. 80.
7. ГАОПДКО. – Ф. 166. Оп. 9. Д. 257.
8. ГАОПДКО. – Ф. 166. Оп. 10. Д. 112.
9. ГАОПДКО. – Ф. 171. Оп. 1. Д. 31.
10. ГАОПДКО. – Ф. 171. Оп. 1. Д. 32.
11. ГАОПДКО. – Ф. 171. Оп. 1. Д. 61.
12. Дэвис, С. Мнение народа в сталинской России: террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941 / С. Дэвис ; пер. с англ. В. Н. Морозова. – М. : РОССПЭН, 2011. – 231 с.
13. Захаров, А. В. Народные образы власти / А. В. Захаров // Полис. – 1998. – № 1. – С. 23–36.
14. Захаров, А. В. Письма из недалекого прошлого / А. В. Захаров, Н. Н. Козлова // Свободная мысль. – 1993. – № 7. – С. 79–89.
15. Зубкова, Е. Ю. Мир мнений советского человека 1945–1948 гг. по материалам ЦК ВКП(б) / Е. Ю. Зубкова // Отечественная история. – 1998. – № 3. – С. 25–39.
16. Иванов, В. А. Анонимщики и власть в Советской России: 1930–1960 гг. / В. А. Иванов // Новая и новейшая история. – 2011. – № 1. – С. 27–43.
17. Кабанов, В. В. Источниковедение истории советского общества. Курс лекций / В. В. Кабанов. – М., 1997. – 383 с.
18. Кабашов, С. Ю. Организация работы с обращениями граждан в истории России / С. Ю. Кабашов. – 3-е изд. – М. : ФЛИНТА, 2016. – 312 с.
19. Кулаков, А. А. Общество и власть: российская провинция 20–30-х годов. Проблемы и источники изучения / А. А. Кулаков // Век XX: Общество и региональная власть. Проблемы историографии: монография / Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т. – Нижний Новгород, 2009. – С. 22.
20. Лившин, А. Я. Власть и общество: диалог в письмах / А. Я. Лившин. – М. : РОССПЭН, 2002. – 205 с.
21. Лившин, А. Я. Власть и общественные настроения послереволюционной эпохи (по письмам во власть) / А. Я. Лившин // Куда идет Россия?... Власть, общество, личность. 2000: (Седьмой) международный симпозиум, 17–18 янв. 2000 г. – М. : Изд-во института «Московская высшая школа социальных и гуманитарных наук», 2000. – С. 128–134.
22. Русина, Ю. А. Источниковедение новейшей истории России. Учебное пособие / Ю. А. Русина. – Екатеринбург : УрФУ, 2015. – 236 с.
23. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: учебник / А. К. Соколов, Ю. П. Бокарев, Л. В. Борисова и др. – М. : Высшая школа, 2004. – 687 с.
24. Суровцева, Е. В. Письмо-инвектива как жанровая разновидность «письма вождю» (постсталинская эпоха) / Е. В. Суровцева // Наука и современность. – 2010. – С. 289–296.
25. Суровцева, Е. В. Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920–1950-е) / Е. В. Суровцева. – М. : АИРО-XXI, 2008. – Т. 30. – 168 с.
26. Храпцов, А. Б. Письма граждан во власть как источник изучения повседневной жизни Тюмени начала XX в. / А. Б. Храпцов // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – 2011. – № 12. – С. 157–170.
27. Чернышева, А. В. «Письма во власть» как отражение результатов государственной политики (исторический аспект) / А. В. Чернышева // Социология власти. – 2005. – №4. – С. 114–121.
28. Письма во власть в эпоху революции и Гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.). Сборник документов / сост. В.И. Шишкин. – 2-е изд., расшир. и доп. – Новосибирск : Автограф, 2015. – 421 с.